

Независимая газ.
1994. — 10 июня. — с. 7.
**Куручка, клозет,
Кончаловский...**

СЕЗОН в московском Доме кинематографистов закрылся пресс-конференцией режиссера Андрея Кончаловского и премьерой его картины «Куручка ряба». Интересы собравшихся покрывали пространство от Канн аж до Дальнего Востока: от Международного кинофестиваля до возвращения Александра Солженицына. Вот какими мыслями поделился с публикой автор «Куручки».

О Каннах: «Я обещал тем, кто дал мне денег на картину, что она поедет в Канны, и слово сдержал. Самый главный приз я получил, в том смысле, что наша картина, которую мы сделали на очень скромные средства, попала в число 20, представленных на конкурс. Это большая честь. Кино — вещь деликатная, и главное здесь не получение премии, а отношение к картине зрителей: будут ее смотреть или нет. Премия же через полгода забудется. Качество картин сегодня не имеет значения, решающим является качество рекламы. Никакой ауры вокруг русских картин сегодня нет».

О фильме: «Об «Асе Клячиной», сделанной 30 лет назад, говорили, что это поклеп на российскую действительность. Не исключаю, что и об этой картине скажут то же самое. Та картина теперь кажется просто романтическим фильмом, когда носили не кинематографические одежды, а нормальные ватники. Как-то я посоветовал отцу написать басню о том, как у одного соседа умерла корова, а другой сосед этому порадовался. Зависть — составная часть нашего российского сознания. У нас к богатству относятся как к греху, порядочный бизнесмен обязательно считается вором. Картину мы начинали делать весной, а кончили зимой. За это время ее бюджет вырос в три раза, и трижды у нас украли мост, который мы построили для съемок. Украли даже, когда поставили часового, потому что он был пьян. Образно можно сказать, что нам пришлось ломом выковыривать эту картину из мерзлоты российского кинематографа».

О деревне: «Здесь ничего не изменилось. Пьют по-черному. Что касается моих наблюдений, то я же не маркиз де Кюстин и не Василий Шукшин. Я вспоминаю фразу из одного письма Льва Толстого, где сказано: «Я не знаю, что думает русский мужик, как не знаю, что думает корова, жующая под моим окном».

Об Инне Чуриковой: «Саввиной сценарий показался не актуальным, пришла мысль подумать о другой актрисе. В фильме есть преемственность, но не могу сказать, что «Куручка ряба» это «Ася Клячина-2». Каждая актриса — это национальное достояние. Чурикова — лучшая актриса. В эту роль она внесла свой мир, свое ощущение материала. В ней есть сочетание юмора и хулиганства, вообще, Чурикова — абсолютно свободное существо. Ей было трудно: она снималась не с артистами. Мы работали в режиме сплошной импровизации».

О спонсорах: «Феллини говорил, что он хотел бы найти человека, который толкал бы картину, а сам режиссер только снимал бы фильм и ни о чем больше не думал. Я нашел». (Имеются в виду коммерческий банк «Чара» и акционерное общество ЛОГОВАЗ).

О Солженицыне: «Великий человек возвращается на Родину, все ждут, что он скажет. Это мощный талант. Кроме радости, других чувств быть не может. Спасение Отечества как-то не мое дело. Я хочу снимать кино».

Пресс-конференцию украсил своим присутствием автор сценария Виктор Мережко, который пытался объяснить, что картина вовсе не антирусская, а напротив, в ней показан трагизм российской действительности. Кроме того, этот сценарий для Мережко стал, по его признанию, «проверкой на профессию». Не поздно ли?

А.К.

ФИЛЬМ заставляет сосредоточиться на определении куручки: ряба. Фильм — рябой. До сих пор рябит в глазах (сцены погони, etc.). Андрон (Андрей) Кончаловский (Михалков) сказал, что давно хотел снять фильм о сортире. И снял. Но, конечно, Андрей Кончаловский не был бы Андроном Михалковым, если бы ограничился одним (или двумя) сортирами. Несмотря на цитатность (Чаплин, Эйзенштейн, etc.), элементы триллера (режатиры, омон, мистика etc, etc.), то есть явные признаки постмодерна, фильм все же нельзя отнести к постмодернистским из-за отчетливо выраженной иерархии. «Гениальные вещи делаются в лоб», — говаривал Сергей Михайлович. И следуя завету, Андрон Сергеевич выстраивает вертикаль от сортира к ватерклозету.

В «эпоху рождения жанра в нашем кинематографе» (слова современного известного драматурга), фильм Андрона (Андрея Сергеевича) Михалкова-Кончаловского закрепляет за нашим кинематографом приоритет в создании специфически русского жанра — арбатско-матрешечного искусства для людей с ватерклозетом, говорящих не по-русски.

С равнодушием

Симон (Петр)
КАПКИНЗОН-КАПКИНСКИЙ